

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 8—9

(1935)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

к критическому изданию М. J. de Goeje (Arib Tabari Continuatus, Lugduni Bat., 1897). Еще важнее пропуск историка Яхьи ибн Са'ида ал-Антākī (ум. ок. 1066 г.), современника Фатымидского халифа ал-Хākима, располагавшего такими данными о начале династии, которые не встречаются у других историков. Его хроника теперь доступна в двух изданиях (L. Cheikh, Beyrūt 1909 и I. Kratchkovsky et A. Vasiliev, Paris, 1924—1932, последнее с французским переводом).

В комментировании отдельных деталей источников у автора иногда чувствуется известная неопытность. Когда говорится об антипатии Маймūна к «арабам», автор склонен полагать, что речь идет об «'аббасидах» (стр. 74); едва ли это так, особенно если принять во внимание, что 'аббасиды по существу являлись полуперсидской династией. Дело сводится, конечно, к противопоставлению арабов и персов — к той шу'убии, которая играла важную роль в эту эпоху. Когда Вениамин Тудельский говорит о евреях, живущих под властью «исмаильтян» (стр. 98, прим. 1), то здесь имеется в виду, конечно, не исма'йлиты-Фатымиды, а арабы вообще — потомки Исма'ила, сына Агари, как систематически называли их европейские источники раннего средневековья.

Изложение автора не всегда остается на уровне серьезного научного труда: мало уместны в последнем анекдоты с Macdonald'ом (стр. 38) или построение сомнительных силлогизмов (стр. 92), равно как сравнение работы Silvestre de Sacy с открытиями Коперника, Харвея и Листера (стр. 56—57). Мелких недосмотров довольно много; их можно было бы считать иногда за опечатки, если бы они не повторялись неоднократно; имя известного географа Ибн Хаукаля передается Ибн Нукал (стр. 157, 158, 121), его современник ал-Исгахри фигурирует как

el-Itakhri (158, 221); известный голландский ученый C. Snouck Hurgronje появляется в указателе (стр. 222) в виде C. S. Hurgronje, как и в тексте (стр. 13, прим. 2; 28, прим. 2); св. Ефрем отнесен в указателе (стр. 222) под букву S, как St. Ephraim и т. д.

Как некоторый свод материала, работа представит известный интерес для ученых; не лишена она интереса и как показатель настроений части мусульманского общества. Однако вопрос, который ставит автор, едва ли когда-нибудь будет решен окончательно; можно даже сомневаться, относится ли он к области исторического знания.

Ленинград, 14 ноября 1934 г.

И. Крачковский.

Lecerf, Jean. Littérature dialectale et renaissance arabe moderne. Bulletin d'Etudes orientales de l'Institut Français de Damas 2 (1932) 179—258; 3 (1933) [Отдельное издание: Damas (1933) VIII + 210 стр.].

Работа производилась исключительно над опубликованными текстами на сирийском (специально ливанском) арабском диалекте и имела задачей осветить две основные проблемы: возникновение писанной литературы на арабидском (разговорном) языке и вопрос о двуязычии на арабском Востоке. Lecerf сравнивает положение с языками у арабов с двуязычием в Греции. Здесь, начиная с 90-х годов прошлого столетия, в полном разгаре война двух языков: новоклассического и разговорного. Конституция 1911 г. признала официальным языком новоклассический, который и по сей час господствует в высшей школе и парламенте, но в 1917 г., в результате реформы начальной школы, междудialeктический народный язык стал языком

преподавания. На ряду с этими двумя языками, выработался смешанный говор (новоклассический язык с сильным влиянием разговорного), который употребляется в газетах и служит разговорным языком интеллигенции.

С греческим новоклассическим языком можно, по мнению Lescerf'a, сравнить современный новоарабский литературный язык, который, как и тот, значительно отличается от старого классического языка, особенно, когда на нем говорят. [В этом пункте Lescerf расходится с Marçais || L'Enseignement Public (2. 1931), считающим, что литературный арабский язык фактически мало изменился]. Междудialeктического народного языка у арабов нет, а есть ряд диалектов. Под понятие «смешанного» языка, по мнению Lescerf'a, подходит язык горожан Сирии и Палестины. Есть, следовательно, кое-какое сходство между греками и арабами. Но на почве арабского языка противоречия не достигли того развития, как в Греции: новоарабский литературный язык ближе к старому классическому, чем новогреческий (ср. выше мнение Marçais); литература на народном языке у арабов только в зачатке; на «смешанном» языке горожан арабы говорят, но не пишут. В общем у арабов языковые отношения находятся в той стадии, как у греков в начале «языковой войны». Развитие арабского двуязычия может пойти аналогичным путем, но он не обязателен.

По вопросу о литературе на народном языке Lescerf не согласен с Marçais || L'Enseignement Public (12. 1930) 405—6, который считает маловероятным возникновение литературы на диалекте. По мнению Lescerf'a, то обстоятельство, что в Магрибе диалектические произведения циркулируют только в виде рукописей, объясняется технической от-

сталостью этого района. На Востоке же, где социальная эволюция идет более быстрым темпом, печатные произведения на народном языке выпускаются довольно часто. Обзор этой литературы и является предметом работы Lescerf'a. Весь материал распределяется следующим образом: а) традиционная устная литература, опубликованная без изменений со стороны издателей, напр., песни, монологи и т. п. (L'Héritage de la littérature orale, стр. 29—80); б) сочинения театрального жанра, предназначенные для популяризации сценических постановок (Littérature orale moderne, стр. 81—128); в) произведения вполне литературного характера, создаваемые их авторами именно для чтения (La littérature écrite en dialecte, стр. 129—150). Образцы приводятся в транскрипции и французском переводе, с многочисленными лингвистическими замечаниями. В конце книги эти же тексты приводятся в арабском подлиннике (стр. 176—203). В приложении (стр. 155—175) дается алфавитный указатель поэтов на диалекте, главным образом Сирии, и их произведений. Транскрибирование текстов производилось следующим путем: народная поэзия записывалась под чистку знатоков, для современных песенок были использованы патефонные пластинки, сценические произведения записывались в театре. На ряду с этим была использована суфлерская запись, а также звуковое кино. Но часто приходилось транскрибировать напечатанные по-арабски произведения, руководствуясь данными фонетических исследований соответствующих диалектов. Lescerf (стр. 16—17) рассматривает возражения против возникающего междудialeктического литературного языка, выдвигаемые как западными лингвистами, так и представителями туземцев. Европейцы, говорит он, ищут, прежде всего,

«чистый диалект», в нарождающемся общем языке они видят лишь испорченный жаргон, лишенный всякой научной ценности (Feghali, хотя он и араб). Против этого Leserf указывает, что общие языки также являются вполне нормальными лингвистическими фактами, достойными изучения, имея к тому же целый ряд практических плюсов. С другой стороны, туземцы говорят о стремлении сторонников диалекта ниспровергнуть классический арабский язык. По мнению Leserf'a «пока мы живем», победа останется за классическим арабским языком; каким именно «классическим», он не решается сказать. Свое мнение он считает вполне беспристрастным. — На стр. 20—21 Leserf утверждает будто в современном театре полностью господствует египетский диалект. — Стр. 22—23 приводятся главные особенности говоров горожан Сирии и Палестины: а) совпадение старых *i* и *u*; б) вспомогательный гласный за первым согласным в группе из трех согласных, в противоположность Египту, где вспомогательный гласный появляется за вторым согласным, и Ливану, где преобладает редукция или ассимиляция среднего согласного; в) тенденция свести все краткие гласные к одному нейтральному звуку. — Выводы Leserf'a (стр. 151—154): с одной стороны нарождается новый междудиалектический литературный язык, избегающий идиоматизмов отдельных говоров, и тем самым отдаляющийся от них; на ряду с этим классический язык постепенно сближается с диалектами. В результате получатся, по мнению Leserf'a, не два языка, а два стиля одного языка. — Спорить с таким прогнозом не приходится, но и для того, чтобы согласиться с ним, пока нет оснований.

9 III 1935.

Я. Виленчик.

Oriental Studies in Honour of Cursetji Erachji Pavry, edited by Jal Dastur Cursetji Pavry with a foreword by A. V. Williams Jackson. London, 1933, Oxford University Press. 8°, стр. XVII + 503.

Сборник статей в честь зороастрийского ученого, изданный его сыном к семидесятилетней годовщине дня рождения юбиляра с предисловием известного американского ираниста А. В. Уильямз-Джексона, портретом юбиляра и списком его трудов. В сборнике приняло участие свыше 70 выдающихся ученых из 17 стран, в том числе и из СССР (В. В. Бартольд), по темам, близким к интересам юбиляра, обнимающим вопросы иранского языкознания, литературы, истории и смежных областей с преобладанием тем, относящихся к истории и литературе древнего Ирана:

P. K. Acharya, Indo-persian Architecture. Shigeru Araki, A note on Vendidad. H. W. Bailey, Iranian Verbs in -m and -p. Leroy Carr Barret, Three Versions of an Atharvan Hymn. W. Barthold, Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islam. H. Bauer, Harpatqa «Mühsal» aus pahlavi harpatkār. E. Benveniste, Pehlevi astax'an «os». Alfred Bertholet, Der Schutzengel Persiens. Frank R. Blake, The relation between Indo-European and Semitic. E. Blochet, Quelques notes à propos de l'Ardā Virāf Namā. George W. Briggs, Brief Outline of Indo-Iranian Contacts. W. Caland, Three notes on Avesta. Maurice A. Canney, Ancient Conceptions of Kingship. Jarl Charpentier, Beiträge zur indoiranischen Mythologie. Hermann Collitz, König Yima und Saturn. C. A. F. Rhys Davids, Urvan and the Devadūta Sutta. R. P. Dewhurst,